

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра всеобщей истории

**«Свои» и «чужие» в сочинениях современников
Первого крестового похода**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы очной формы обучения
направления 46.03.01 «История»
Института истории и международных отношений
Демченко Марии Петровны

Научный руководитель
д.и.н., профессор _____

Л.Н. Чернова

Заведующий кафедрой
д.и.н., профессор _____

Л.Н. Чернова

Саратов 2025

Введение. Изучение образов «своих» и «чужих» на страницах сочинений современников Первого крестового похода остается актуальным по ряду причин, связанных как с пониманием исторических процессов, так и с их влиянием на современность. Сегодняшний мир по-прежнему сталкивается с последствиями тех глубинных культурных и религиозных противоречий, которые закладывались в Средние века. История крестовых походов на протяжении столетий оставалась важной частью европейской исторической памяти. В западной культуре сложилось устойчивое представление о крестоносцах как о героях, несущих свет христианства на «дикий» Восток. Этот нарратив до сих пор оказывает влияние на восприятие исторических событий и способствует формированию стереотипов в отношении мусульманских стран. Первый крестовый поход заложил основу для длительных конфликтов между христианским Западом и исламским Востоком, которые продолжаются в той или иной форме и сегодня. Хроники этого похода отражают религиозное и культурное противостояние, которое формировало сознание поколений европейцев. В сочинениях же восточных современников Первого крестового похода образ франка – крестоносца негативный. Мы имеем возможность сопоставить – как латиняне видели самих себя и как их воспринимали враги, как крестоносцы представляли сущность и роль своей военной экспедиции и как крестовый поход воспринимался на Востоке, в чем мусульмане видели его причины.

Степень изученности темы. Научную литературу, используемую при работе, можно условно разделить на несколько тематических групп:

Стоит выделить корпус работ, посвящённых проблеме взаимоотношений между Востоком и Западом в Средние века, включая эпоху крестовых походов, с арабо-мусульманской точки зрения (работы Р. Ирвина¹, К. Хилленбранд², С.Н. Алнаддафа³). Особое внимание в исторической науке уделено проблеме

¹ Ирвин, Р. Ислам и крестовые походы 1096–1699 // История крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита / пер. с англ. – М., 1998. – С. 111–132.

² Хилленбранд, К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / пер. с англ. – М., 2008. – 672 с.

³ Алнаддаф, С.Н. Образ Европы в представлении арабов в средние века: «факторы формирования образа» // История повседневности. – 2018. – № 2 (7). – С. 98–107.

восприятия арабов-мусульман в западной христианской традиции эпохи крестовых походов (работы С. И. Лучицкой⁴, В. Л. Портных⁵, А. О. Манухиной⁶). Значительное место в историографии занимают исследования, посвященные отдельным, имеющим для нас большое значение, аспектам крестовых походов, в частности, Первого крестового похода (работы Г. Г. Пикова и В. Л. Портных⁷, А. О. Манухиной⁸). Для понимания общего контекста Первого крестового похода нами использовались работы как зарубежных (работы Г. Мишо⁹, Б. Куглера¹⁰, так и отечественных исследователей – Ф. И. Успенского¹¹, М. А. Заборова¹², А. Доманина¹³, С. И. Лучицкой¹⁴, Г. Г. Литаврина и А. К. Гладкова¹⁵).

Цель работы состоит в том, чтобы выявить восприятие «своих» и «чужих» латинскими и мусульманскими авторами – современниками Первого крестового похода.

⁴ Лучицкая, С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М., 1994. – С. 19–37.; Лучицкая, С. И. Идея обращения иноверцев в хрониках Первого крестового похода // Одиссей. Человек в истории. 1997: Культурная история социального / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М., 1998. – С. 121–143.; Лучицкая, С. И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках Крестовых походов. – СПб., 2001. – 412 с.; Лучицкая, С. И. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. – СПб., 2021. – 480 с.

⁵ Портных, В. Л. Византия и идея крестового похода // Деяния франков и прочих иерусалимцев: учеб.-метод. пособие / Т. Г. Мякин, Г. Г. Пиков, В. Л. Портных. – Новосибирск, 2010. – С. 227–244.

⁶ Манухина, А. О. «Образ врага» как отражение реалий военной и политической культуры XII–XIII веков (на материале «Historia rerum» Гильома Тирского и анонимной «Etoire de Eracles») // Вестник МГЛУ. – 2016. – Вып. 12 (751). – С. 79–89.

⁷ Пиков, Г. Г., Портных, В. Л. Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» // Деяния франков и прочих иерусалимцев. – С. 208–226.

⁸ Манухина, А. О. Отражение «Кодекса чести рыцаря» в средневековом дискурсе эпохи Крестовых походов (на материале старофранцузских документальных свидетельств XII–XIV вв.) // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 20 (731). – С. 454–462.

⁹ Мишо, Г. История крестовых походов / пер. с фр. С. Л. Клячко. – М., 2001. – 368 с.

¹⁰ Куглер, Б. История Крестовых походов / пер. с нем. – СПб., 1895. – 459 с.

¹¹ Успенский, Ф. И. История крестовых походов. – М., 2005. – 110 с.

¹² Заборов, М. А. Папство и Крестовые походы. – М., 1960. – 262 с.; Заборов, М. А. Крестоносцы на Востоке. – М., 1980. – 320 с.

¹³ Доманин, А. Крестовые походы. Под сенью креста. – М., 2003. – 432 с.

¹⁴ Лучицкая, С. И. Крестовые походы // Всемирная история : в 6 т. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М., 2012. – С. 467–483.

¹⁵ Литаврин, Г. Г., Гладков, А. К. Византия эпохи македонской династии и Комнинов // Там же. – С. 358–371.

Исходя из цели, нами были поставлены следующие *задачи*:

- охарактеризовать представления латинских авторов о сущности и роли Первого крестового похода;
- показать восприятие «своих» в западных и восточных сочинениях: рыцарей-крестоносцев – в хрониках латинян, мусульман – в восточных сочинениях;
- рассмотреть образы «чужих» – восточных христиан и мусульман – на страницах латинских сочинений и «франков» – в трудах мусульман.

Для написания бакалаврской работы привлекались *нарративные источники*, связанные с историей Первого крестового похода. *Латинские хроники*: «Деяния франков и прочих иерусалимцев»¹⁶, «История, называемая деяния Бога через франков»¹⁷ Гвиберта Ножанского, «История франков, которые взяли Иерусалим»¹⁸ Раймунда Ажилльского, «Иерусалимская история»¹⁹ Роберта Реймского, «Иерусалимская история»²⁰ Фульхерия Шартрского; *сочинения восточных (мусульманских) авторов*: «История Дамаска»²¹ Ибн аль-Каланиси, «Книга назидания»²² Усамы ибн Мункыза и «Полный свод всеобщей истории»²³ Ибн аль-Асира.

Бакалаврская работа состоит из Введения, трех глав (первая глава – Представления хронистов о сущности и исторической роли Первого крестового по-

¹⁶ Деяния франков и прочих иерусалимцев / пер. на рус. яз. и коммент. Т. Г. Мякина, В. Л. Портных. – Новосибирск, 2010. – С. 148–207.

¹⁷ Гвиберт Ножанский. Деяния Бога через франков / пер. М. М. Стасюлевича [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: [https://www.vostlit.info/Texts/rus/Gvibert/text3.phtml?id=7939] (дата обращения: 23.11.2024) – Загл. с экрана.

¹⁸ Раймунд Ажилльский. Из хроники «История франков, которые взяли Иерусалим» / пер. М.А. Заборова // Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977. – С. 90–93, 124–126, 130–138.

¹⁹ Роберт Реймский. Из хроники «Иерусалимская история» / пер. М. А. Заборова // Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – С. 50–54.

²⁰ Фульхерий Шартрский. Из хроники «Иерусалимская история» / пер. М.А. Заборова // Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – С. 47–50, 139.

²¹ Ибн ал-Каланиси. Из «Истории Дамаска» / пер. М.А. Заборова // Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – С.103–105, 126–127, 139–140.

²² Усама ибн Мункыз. Книга назидания [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: https://royallib.com/read/ibn_munkiz_usama/kniga_nazidaniya.html#612399 (дата обращения: 03.04.2025) – Загл. с экрана.

²³ Ибн ал-Асир. Из «Полного свода всеобщей истории» / пер. М.А. Заборова // Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – С. 62–63, 105–108, 119–121, 127–128.

хода, вторая глава – «Свои» и «чужие» в латинских хрониках Первого крестового похода – состоит из трех параграфов, третья глава – «Свои» и «чужие» в сочинениях восточных современников Первого крестового похода – состоит из двух параграфов), Заключения, Списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы. Объектом данного исследования являются сочинения современников Первого крестового похода – военно-колониационного движения (или просто военных походов) западноевропейского рыцарства, а также части горожан и крестьянства, осуществлявшиеся под эгидой Римско-католической церкви под лозунгом борьбы за освобождение христианских святынь в Святой Земле из-под власти мусульман.

Термин «крестовый поход» позднего происхождения и появляется лишь на рубеже Нового времени на Западе, а в арабском мире около 1850 г. В этой связи представляется немаловажным выяснить, как сами современники воспринимали то, что мы сегодня называем «крестовым походом», какой смысл вкладывали в происходившие события, в чем видели их историческое предназначение. Участники воспринимали происходящее скорее как паломничество, чем как военную кампанию. Основу для восприятия войны как святой закладывала христианская идея справедливой войны, уходящая корнями в учение Августина – он считал, что справедливая война определяется по своей конечной цели – восстановлению нарушенной изначальной гармонии мироздания. Этот теологический фундамент позволил Западной церкви реабилитировать войну как форму служения Богу, особенно если она велась против неверных или ради освобождения христианских святынь. В хрониках, таких как «Деяния франков», действия крестоносцев изображаются как исполнение божественной воли, а сам поход – как священная миссия. Крестоносцы неоднократно именуется «паломниками», и эта концепция сочетания религиозного странничества с вооруженным насилием легла в основу нового христианского воинского идеала.

Источники, такие как хроника анонимного автора «Деяния франков», труды Раймунда Ажилльского, Гвиберта Ножанского, Фульхерия Шартрского и Ро-

берта Реймсского, демонстрируют, насколько религиозный настрой пронизывал восприятие похода. Крестоносцы – «воины Христа» – изображались не просто как солдаты, но как праведники, подвижники и мученики. Особую роль играла идея духовной награды: участие в походе якобы обеспечивало спасение души, отпущение грехов и вечную жизнь. Хроники часто ссылаются на чудеса, происходившие по пути – как знаки небесной поддержки. Религиозная риторика позволяла оправдать жестокости, совершённые крестоносцами, включая резню мирного населения. Вместе с тем хронисты демонстрируют и внутриевропейские противоречия: византийцы изображаются скорее как сомнительные союзники, чем как братья по вере. В глазах латинян они уступают по благочестию, подчеркиваются такие их качества, как надменность и ненадёжность.

Если обратиться к анализу образов «своих» и «чужих» в латинских хрониках, то можно сделать следующие выводы. В подсознании хронистов крестоносцы – это безусловно «свои»: избранники Божьи, несущие свет веры в земли, захваченные «неверными». Подчеркиваются их добродетели: мужество, благочестие, преданность идеалу, готовность к самопожертвованию. Особенно важна фигура рыцаря, которую хронисты наполняют смыслом, близким к духовному героизму. Однако «свои» – это не только франки, но и все, кто следует папскому призыву, а также разделяет католическую веру. При этом среди самих европейцев – участников крестового похода могли возникать конфликты – образ «чужого» распространяется не только на мусульман и византийцев, но также на самих участников крестового похода. Несмотря на общую цель – освобождение Святой Земли – внутри войска существовали значительные различия, прежде всего, этнические и политические, которые порой приводили к напряжённости между группами крестоносцев. Та доля неприязни, с которой союзники могли относиться друг к другу, находила отражение в сочинениях, например, хронисты могли критически оценивать поступки союзников, принадлежащих к другим этническим группам, подчёркивая их эгоизм, жадность или недостаток доблести. Но описания нравственных несовершенств крестоносцев, а также противоречий в их войске обычно сглаживались – на фоне противостояния с

«чужими». Чужих в латинских хрониках можно разделить на две категории: мусульмане и византийцы.

Образ византийцев, в особенности в «Деяниях франков» и у Гвиберта Ножанского, неоднозначен. С одной стороны, они признаются христианами, с другой – крестоносцы сомневаются в их искренности и критикуют за лицемерие, коварство и склонность к дипломатии, граничащей с предательством. Такое отношение связано с разрывом между латинской и греческой церковью, различиями в ритуале и церковной политике, а также с реалиями военного взаимодействия. Часто хронисты изображают византийцев как препятствие на пути крестоносцев, упрекая в недостатке энтузиазма и склонности к уклонению от прямого конфликта. При этом византийцы остаются в глазах крестоносцев христианами. В хронике «Деяния франков и прочих иерусалимцев» показано, что, когда армия Боэмунда проходит через европейскую часть Византии, Боэмунд отдает себе отчет в том, что он идет через землю христиан. Также можно упомянуть совместный крестный ход греков и латинян после взятия Иерусалима. Итак, хронисты относят греческий народ к христианам, а Константинополю отводят важную роль в христианском мире. Однако в целом крестоносцы считают свою роль в христианстве более важной. Именно они – «войско Бога», именно они выполняют божественную волю, за что получают воздаяние и считаются мучениками за веру. Византийцы никогда не окружены в хрониках подобным ореолом. В случае возникновения каких-либо конфликтов с византийцами, за крестоносцами признается безусловная правота, и это имеет свое религиозное обоснование.

Что касается мусульман, то в латинских хрониках они выступают как «чужие», часто демонизируются и ассоциируются с силами зла. В латинских сочинениях мусульмане изображаются не только как неверные, но как идолопоклонники, даже если это не соответствует реальности. В хрониках мусульмане – враги Бога, союзники дьявола, исполнители злой воли. Такая риторика служила не только оправданием насилия, но и способом укрепления идентичности самих крестоносцев: противопоставление с мусульманами усиливало чувство

собственного избранничества и гордости за возложенную на них божественную миссию – существование последней в хрониках признают и персонажи-мусульмане.

Наряду с этим прослеживается и интерес хронистов к «иному» миру: в трудах европейских авторов встречаются описания восточных обычаев, городов, нравов, а также экзотических восточных практик – занятий магией и прорицаниями, якобы присущими мусульманам.

Иногда мусульмане признаются храбрыми и достойными врагами, однако это скорее исключение, призванное подчеркнуть доблесть победивших их рыцарей. Отдельного внимания заслуживает идея обращения мусульман в христианство, идея союза с мусульманами, добровольно сменившими веру – тема, которая появляется в отдельных хрониках, таких как «Деяния франков и прочих иерусалимцев», и отражает стремление христиан представить крестовый поход не только как военное, но и как миссионерское предприятие.

Хронисты, рисуя образы мусульман, используют обычные в их нарративной практике риторические фигуры сравнения и инверсии. В этих описаниях сочетаются средневековая традиция изображения варваров, стереотипы, присущие образу античного язычества, и литературные топосы.

Обратимся к восточной, мусульманской перспективе. Восточные авторы – Ибн аль-Каланиси, Усама ибн Мункыз и Ибн аль-Асир – описывают франков-крестоносцев, а также собственное общество в условиях войны. В мусульманских сочинениях франки изображаются как враждебные и жестокие захватчики, варвары, не обладающие ни культурой, ни религиозным благочестием. Однако образ врага у восточных авторов сложен. Ибн аль-Каланиси, например, в своей «Истории Дамаска» старается соблюдать сдержанность и объективность. Его описание франков – это не столько демонизация, сколько акцент на их жестокости и вероломстве. Особое внимание он уделяет политическим причинам успеха крестоносцев – среди них разобщённость мусульманских правителей, отсутствие единства и стратегической координации. Именно внутренние распри,

а не превосходство врага, становятся в глазах хрониста главной причиной поражений.

Усама ибн Мункыз, в свою очередь, демонстрирует более сложное отношение к франкам. Его «Книга назидания» – автобиографическое повествование с элементами этической и культурной рефлексии. Ибн Мункыз лично контактировал с франками, бывал в их городах и даже поддерживал с некоторыми европейцами дружеские отношения в мирное время. В его сочинении появляются эпизоды, в которых франки предстают не только как враги, но и как невежественные и грубые, но способные на благородство и уважение к обычаям мусульман персонажи. Автор отмечает их жесткость и ограниченность, но при этом не отказывает в воинских добродетелях. Таким образом, в изображении франков у Усамы ибн Мункыза есть и сатирические, и критические элементы, однако в целом они выступают как «иные», а не как демонизированные враги. В этом заключается одно из отличий между мусульманским и латинским восприятием «чужого».

В «Полном своде всеобщей истории» Ибн аль-Асира франки представлены как постоянная угроза исламскому миру, но сам автор старается вписать их действия в более широкий исторический контекст. Он описывает не только военные столкновения, но и дипломатические миссии, культурные контакты, последствия вторжения для мусульманских общин. Автор подчеркивает, что успех франков, обусловлен прежде всего слабостью мусульманских правителей. В изложении Ибн аль-Асира прослеживается и критика собственного общества, которым овладели такие пороки, как отсутствие солидарности, недостаток веры, предательство, корысть. Таким образом, образ «чужого» – франка используется и как зеркало, в котором отражаются внутренние проблемы «своих» – мусульман.

Итак, если латинские хронисты использовали образы «чужих» для создания героического образа крестоносцев и легитимации похода, то мусульманские авторы чаще ставили перед собой цель осмысления катастрофы, поиска причин поражения и критики собственной политической среды. Их отношение

к франкам не лишено страха, осуждения, но не является примитивным. В описаниях мусульманских хронистов нередко проскальзывает уважение к дисциплине и стойкости врага, а также желание понять причины его успеха. Это делает мусульманские источники важным дополнением к латинским хроникам - они позволяют взглянуть на события Первого крестового похода с другой стороны, выходя за рамки западноевропейской перспективы.

Заключение. Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что Латинские хронисты представляют Первый крестовый поход как священное и праведное предприятие, проводимое в соответствии с Божьей волей. Рыцари-крестоносцы изображаются ими как герои и защитники христианства, обладающие такими добродетелями, как мужество, благородство, честность и преданность. Хронистам удается создать идеализированный образ рыцаря, который, однако, иногда подвергается сомнению в контексте его действий в ходе войны, что подчеркивает сложность восприятия «своих». Изображение западноевропейского рыцарства как оплота христианских добродетелей обосновывало его право на обладание Святой Землей, Иерусалимом и Гробом Господним.

Описывая рыцарей-крестоносцев, латинские авторы придают особое значение их роли в контексте священной войны, однако большинство исследователей латинских хроник Первого крестового похода акцентируется на изучении восприятия авторами сочинений «другого», а не «своего». Это подчеркивает необходимость дальнейшего исследования образа рыцаря, его социального и культурного контекста.

Византийцы и мусульмане часто изображаются в латинских хрониках как противники, угрожающие христианскому миру. Образы «чужих» – в первую очередь, мусульман – зачастую соответствуют литературной традиции и стереотипам своего времени, и, следовательно, довольно негативны, что служит цели оправдания военной агрессии крестоносцев. Как мы установили, авторы хроник резко противопоставляли мусульман христианам: так, их святилище оказывается профанным, истинной вере у христиан противопоставляется

идолопоклонство у мусульман, религиозному культу у христиан – языческое суеверие у иноверцев. Таким образом, война с мусульманами как с воплощением зла и греха была не только оправдана в глазах латинских хронистов, но и необходима. Представления же о византийцах если не как о лицемерах и предателях, то как о «второстепенных христианах» объясняли их отлучение от участия в разделе завоеванной территории.

Образ «своих» трудах мусульманских авторов часто окрашен не только в положительные, но и в критические тона. Авторы могут восхищаться мужеством и преданностью отдельных правителей и бойцов, сражающихся против крестоносцев, но осуждать бездействие или малодушие других. Они представляют мусульманскую общину как связанную общей верой, но часто ослабленную раздорами, политической борьбой и эгоизмом эмиров. В восточных сочинениях отмечены не только события крестовых походов, но и внутренние неурядицы мусульманского мира, которые, по мнению авторов, и стали причиной успеха крестоносцев.

Образ «чужого» в сочинениях мусульманских авторов – сложный и изменчивый. Он варьируется от демонизированного «франка» – дикого и жестокого воина – до достойного противника. Восточные авторы описывают крестоносцев как безжалостных захватчиков, творящих насилие и разрушение, указывают на их религиозный фанатизм и грубость, противопоставляя этому цивилизованность и просвещённость исламского мира. Однако при этом они не преувеличивают их глупость или слабость. Напротив, признают силу, дисциплину и военные успехи франков, что делает победу над ними ещё более значимой и желанной.

Таким образом, исследование образов «чужих» и «своих» в сочинениях современников Первого крестового похода открывает новые перспективы для понимания как исторических, так и культурных процессов, происходивших в средние века, и способствует более глубокому осмыслению взаимодействий между различными культурами и религиями в этот период